

—
Благодаря лишней паре рук Сюй Шуньхэ закончил лепить все баоцзы уже в половине седьмого; маньтоу тоже были готовы и ждали второй расстойки.

С шести часов покупатели начали подходить один за другим.

Тут были и рано вставшие старики, покупавшие завтрак на всю семью, и школьники в ученической форме с рюкзаками за плечами, приходившие с заспанными глазами.

После семи народу постепенно становилось всё больше.

Сначала волна за волной шли спешащие на занятия ученики и родители, провожающие детей, а затем — офисные работники, которым к восьми нужно было успеть отметить на входе.

Перед маленькой лавкой с баоцзы внезапно стало не протолкнуться.

Сюй Шуньхэ и Ян Цзяшэн стояли за прилавком вдвоем, крутятся как белки в колесе и без остановки упаковывая заказы.

Баоцзы в «Обещаю, вам понравится» были не слишком большими — даже меньше половины кулака Ян Цзяшэна. Старшекласснику обычно требовался один баоцзы, одно чайное яйцо и стакан соевого молока; офисному работнику с плохим аппетитом как раз хватало одного баоцзы и стакана молока.

Едва минуло восемь, как баоцзы в лавке закончились.

Сюй Шуньхэ невозмутимо достал табличку с надписью «Баоцзы распроданы» и выставил её на прилавок.

В очереди возникла небольшая суматоха: кто-то ушел, а кто-то остался стоять за маньтоу и чайными яйцами.

В половине девятого закончились и маньтоу с яйцами, осталось лишь немного соевого молока.

Сюй Шуньхэ вытер пот и сказал:

— Можно немного передохнуть. Будешь маньтоу?

Он снял крышку с пароварки на плите: оказалось, внутри были спрятаны две булочки, а в кастрюле оставались еще два чайных яйца.

Сюй Шуньхэ вымыл руки, притянул табуретку и сел, неспешно принимаясь за маньтоу.

Булочка была еще теплой, пышной и сладковатой — в муку добавили немного сахара. Чайные яйца, оставшиеся под конец, были, пожалуй, самыми пропитанными из всей партии — в меру солеными и ароматными.

Ян Цзяшэн съел еще один маньтоу, одно яйцо и выпил стакан соевого молока.

Они оба встали в три часа утра и до этого момента почти не присаживались. Сейчас, уставшие, они сидели, медленно ели маньтоу, пили молоко и слушали уличный шум, сквозь который то и

дело прорывался чей-то вопрос: «Босс, баоцзы еще есть?»

Утренние продажи закончились рано, и Сюй Шуньхэ пояснил:

— В последнее время я был один, поэтому не решался делать много. С завтрашнего дня можно начать увеличивать количество. Будем добавлять понемногу, чтобы сразу не вышло слишком много — невыгодно переводить продукты, если не продадим.

— В лавке с баоцзы самое напряженное время — утро, остальное — это уборка. У нас в лавке каждое утро после того, как все распродадим, нужно начисто вытирать все прилавки, витрины и стол для замешивания теста. Соевую машину, пароварки и электрокастрюли нужно вымыть, а пол — протереть. Если утром не успеем всё закончить, пол можно домыть после обеда. Обедаю я тоже рано, в одиннадцать, а после еды привык спать часа два, прежде чем вставать и рубить начинку. После этого основные дела на день считай закончены. Остаются мелочи: если закончились пакеты для упаковки, стаканчики или приправы, нужно съездить в оптовый магазин и закупиться.

Ян Цзяшэн старательно запоминал.

Сюй Шуньхэ взглянул на время:

— Каждое утро нужно забирать мясо с рынка, хозяин заранее его откладывает. Мясо должно быть хорошим и свежим. Я сейчас схожу за ним, а ты пока вымой пароварки и соевую машину. Дно пароварок смазано маслом, так что мой с моющим средством, а потом расставь их на столе вверх дном просохнуть.

Сюй Шуньхэ достал маленькую тележку для продуктов на колесиках и ушел. Перед уходом он еще раз наказал Ян Цзяшэну быть предельно осторожным при мытье машины — лезвия там очень острые.

Рынок был недалеко, на соседней улице — идти минут пять; Ян Цзяшэн видел его вчера, когда бродил по району.

Меньше чем через двадцать минут Сюй Шуньхэ вернулся. В тележке лежало несколько десятков цзиней свинины, огромный пучок зеленого лука и еще кое-какие овощи. Сюй Шуньхэ убрал мясо в холодильник, разложил овощи и, засучив рукава, вместе с Ян Цзяшэном принялся протирать прилавки и мыть пол.

Он совершенно не важничал как босс и не сидел без дела: видел работу и тут же за неё брался. Как ни крути, он всё же был хозяином этой маленькой лавки, нанимал Ян Цзяшэна на зарплату, имел капитал, чтобы платить за аренду и содержать заведение. Но перед Ян Цзяшэном он не проявлял ни капли высокомерия.

Ян Цзяшэн пошел работать сразу после средней школы и прекрасно знал: перед такими людьми, у которых за душой ни гроша, многие, заимев хоть немного денег, тут же начинают кичиться своим превосходством и разговаривать свысока.

Они закончили все дела только к половине десятого.

Ян Цзяшэну еще никогда утро не казалось таким длинным, будто за него можно переделать столько дел.

Сюй Шуньхэ улыбнулся:

— Ладно, иди отдыхай. Сегодня есть время, я на обед планирую приготовить лапшу. Будешь?

«Разве в оплату не включен только завтрак?» — подумал Ян Цзяшэн. Если он такой покладистый, то не оберется ли проблем, если наймет какого-нибудь наглого работника, который сядет ему на шею?

— Я лягу досыпать, не знаю, когда проснусь, так что на меня не готовь, — ответил Ян Цзяшэн, вежливо отказываясь.

Он действительно хотел спать: не выспался ночью, да еще и встал ни свет ни заря. Поднявшись к себе, он тут же вырубился. Вентилятор шумно крутился, а он, ничего не чувствуя, проспал до начала второго дня. Проснувшись весь в поту, он снова ополоснулся в душе. За несколько часов без воды в горле всё пересохло; выйдя из душа, Ян Цзяшэн пошел искать свой стакан и обнаружил его на столе, накрытым крышкой. Внутри была полная кружка остывшей кипяченой воды.

Ян Цзяшэн внимательно осмотрел её, подтверждая, что на кружке написано «Труд — это почет» — это был его стакан.

Он выпил половину, еще раз вглядываясь в надпись.

Пять больших красных иероглифов: «Труд — это почет».

Ян Цзяшэн допил оставшуюся воду, думая про себя: «У этого Сюй Шуньхэ в семье точно есть младшие братья или сестры, он явно старший брат. Но даже среди старших братьев редко встретишь таких заботливых, внимательных и чистоплотных. По крайней мере, его собственный старший брат о людях совсем не думал».

Пока Ян Цзяшэн размышлял об этом, завибрировал телефон.

Ему редко кто-то звонил, и Ян Цзяшэн подумал, что это реклама, но, взглянув на экран, увидел имя «У Сюфан».

Это была его мать. Ян Цзяшэну не очень хотелось брать трубку.

Но если не ответить, она будет звонить снова и снова, а потом еще и в WeChat спросит, почему он не отвечает.

Ян Цзяшэн нажал кнопку ответа и по привычке промолчал; мать на том конце провода позвала его:

— Цзяшэн?

— М-м.

— Чем занят?

— Говори, если что-то нужно.

У Сюфан поперхнулась и выругалась:

— С тобой заговоришь — захлебнешься! Столько времени не объявлялся, уже и спросить нельзя, чем занимаешься? Делаешь что-то такое великое, что людям знать нельзя? «Говори, если что-то нужно»... А если дела нет, и позвонить нельзя? Что ты за важная птица такая!

Трубку взять — и то целая история, даже «мама» не скажешь, с первого слова огрызаешься!

Ян Цзяшэн хранил молчание; в основном потому, что не знал, что сказать — пусть ругается, если хочет. Поругавшись еще немного, У Сюфан вспомнила о деле.

— Я слышала от второго дяди Гочжуана, что ты на стройке кого-то побил, со всеми разругался и уволился?

Ян Гочжуан был односельчанином Ян Цзяшэна; они вместе договаривались и приехали работать на стройку в Наньчжоу по знакомству.

— Угу.

— Ну и почему у тебя характер такой скверный? На заработки уехал и не понимаешь, что надо язык за зубами держать! Взял и побил родственника прораба! Была работа за шесть-семь тысяч в месяц — отличная же! Только твой поганый норов выиграл — и всё пошло прахом! В доме сейчас деньги срочно нужны, ты разве не знаешь? Надо поскорее дом достраивать, твоему старшему брату в этом году жениться! Нашел новую работу?

— Нашел.

— Что за работа? Сколько платят?

— Лавка с баоцзы, три тысячи в месяц.

У Сюфан чуть телефон не выронила:

— Что?! Ты такой детина здоровый, на стройке мог по шесть-семь тысяч загребать, а пошел в лавку с баоцзы?! А ну живо ищи работу, где платят больше!

Ян Цзяшэн не слушал:

— Думаешь, работу так легко найти?

У Сюфан подумала и согласилась:

— Ну тогда работай пока и ищи. Как по мне, так лучше на стройку — там денег больше. В этом году из-за строительства дома долгов куча, а ведь когда достроим, вам, братьям, по этажу достанется, эти деньги вам же потом и отдавать. Будь поумнее, заработай побольше за пару лет, потом легче будет. Кстати, тебе же за эти три месяца зарплату выдали? Должно быть около двадцати тысяч? Переведи-ка домой тысяч десять, деньги срочно на плитку нужны.

Ян Цзяшэн поначалу не хотел с ней спорить, но, услышав про деньги, не выдержал и вспылал.

— Если дом достроят, мне там хоть что-то перепадет? Ян Цзямао же сказал, что они с женой хотят жить отдельно. К тому же у меня нет денег. После драки прораб удержал десять тысяч на лечение, у меня сейчас на руках всего несколько тысяч, мне еще жилье снимать, вещи покупать, есть на что-то надо. Где я возьму? Это ты мне переведи тысячу на еду в этом месяце, а я со следующей зарплатой отдам.

— Ах ты, паршивец, даже «старший брат» его не назовешь, на кого ты похож! Всё, не о чем с тобой говорить, я тут до сих пор не обедала, от тебя одни расстройства... — У Сюфан

запричитала и, едва услышав, что Ян Цзяшэн просит денег, тут же нашла предлог и повесила трубку.

Убрав телефон, Ян Цзяшэн обернулся и увидел Сюй Шуньхэ — тот стоял на лестнице и спускался вниз. Неизвестно, слышал ли он что-то, но лицо у него было совершенно невозмутимым.

— Только проснулся? Ел?

Ян Цзяшэн покачал головой:

— Сейчас пойду поем.

Сюй Шуньхэ открыл рисоварку и сказал:

— С обеда осталось немного лапши, будешь? О нет, слиплась вся! Думал, ты поспишь немного и встанешь, оставил в рисоварке в режиме подогрева, а за полдня она совсем размякла.

Сюй Шуньхэ достал из рисоварки миску с лапшой, посыпанной тертым огурцом, кинзой, дробленным арахисом и политой острым маслом. Перемешать её еще не успели, и под воздействием пара лапша стала совсем мягкой.

— Теста слишком много замесил, самому столько не съесть, вот и решил оставить — вдруг ты захочешь, — начал оправдываться Сюй Шуньхэ.

— Ничего, пойдет, — Ян Цзяшэн взял миску, пару раз помешал палочками и принялся жадно есть.

Аромат острого перца взорвался во рту; разварившаяся лапша оказалась не такой уж плохой на вкус. Она очень напоминала ту разваренную кашницу, которую бабушка варила ему в детстве, когда он болел и не мог ничего есть.

Теплая, согревающая.

Какой бы паршивой ни была жизнь, съешь миску такой мягкой лапши — и сразу становится легче.

—

<http://bllate.org/book/17131/1600086>